

Первое, что бросилось в глаза Булгакову, была его нынешняя хозяйка — мадемуазель Полина.

Она чинно сидела в залах великолепного особняка, сияющего золочёным убранством. Рядом с ней расположился пожилой мужчина в безупречном военном мундире. В охваченной смутой Москве почти не осталось безопасных мест, но здесь, без сомнения, царил абсолютный покой, не потревоженный внешним хаосом.

— Отец... — негромко произнесла Полина.

Лицо её оставалось бесстрастным. Несмотря на то что перед ней сидел отец, с которым они не виделись уже очень давно, в её облике не угадывалось и тени волнения.

— Погляди, во что превратилась Москва, — заговорил военный. Его волосы и усы уже густо тронула седина. — Неужели и теперь ты намерена стоять на своём?

Генерал Василий всматривался в дочь строгим, испытующим взглядом.

— Напротив, теперь я убедилась в своей правоте ещё сильнее, — Полина качнула головой. — А вы, глядя на всё это? Неужели величие их силы ничуть вас не поразило?

— Возможно, — неопределённо отозвался Василий, однако в его голосе отчётливо прозвучало глубокое, почти брезгливое презрение к эсперским способностям.

Для него люди, бездумно разбрасывающиеся столь разрушительной мощью, мало чем отличались от диких зверей — худшего, первобытного отродья нецивилизованного мира.

— Сила всё ещё находится в человеческих руках, — возразила она. — Какими бы необузданными ни казались вам одарённые, среди них полно тех, кто свято хранит свои принципы и защищает родину.

Она подняла на него твёрдый взгляд:

— Наша страна — не единственная, где рождаются эсперы. В других государствах они тоже есть. Мне казалось, вы воочию убедились в этом во время прошлой войны.

Полина слишком хорошо знала упрямство отца, а потому лишь ровным тоном повторила то, что защищала годами.

«Прошлая война...» — мысленно отозвался Василий.

Перед глазами генерала предстал образ человека, недавно вновь явившегося в Москву, —

Толстого. Если бы не его самоотверженное вмешательство, западные рубежи империи уже давно были бы растоптаны чужеземными армиями. В России вечно не хватало людей, не хватало обученных солдат. Обычным ратникам приходилось сутками лежать с винтовками в обледенелых окопах, преодолевая лютый мороз ради призрачной победы. Но все эти титанические усилия обычных людей казались жалкими и ничтожными перед лицом одного-единственного могущественного эспера.

Будучи генералом, Василий прекрасно знал, чего стоит каждый вершок отвоёванной земли. И именно поэтому он всем сердцем презирал выскочек, способных одним щелчком пальцев разрушить любые законы ведения войны.

— Что ж, отец, пускай мне не переубедить вас, но в главном наши стремления сходятся — мы оба желаем блага России, — Полина поднялась со стула и небрежно отряхнула брюки. — Вы можете ненавидеть их сколько угодно, но одарённые — такие же граждане нашей страны, проливающие кровь ради мира. А всякий честный труд заслуживает справедливой награды.

Попрощавшись с Василием, она неторопливой, уверенной походкой направилась к выходу.

— Я найду способ сделать так, чтобы общество их не отвергало. Но и им не позволю смотреть свысока на простых людей, честно влачащих своё земное существование.

С самого детства она не отличалась послушанием, за что давно снискала славу неисправимой бунтарки. Когда-то она наперекор отцовской воле сбежала на фронт; теперь же, пренебрегая всеми запретами, вела собственное тайное расследование.

Булгаков с нескрываемым изумлением провожал взглядом мадемуазель Полину, которая в одиночку, с суровым лицом покидала здание.

— Мадемуазель Полина... Кто же она на самом деле? — растерянно пробормотал Булгаков, ошеломлённый внезапным открытием.

— В своё время она успела послужить на фронте, — невозмутимо пояснил Толстой. — Причём в особом подразделении, состоящем сплошь из эсперов.

Старик не видел нужды делать из этого тайну — история натянутых отношений генерала Василия и его своенравной дочери была известна многим.

— Правда, потом весь её отряд poleg до единого человека. Василию пришлось лично забрать выжившую дочь и запереть её здесь, в Москве.

Очевидно, именно эта трагедия навсегда выжгла из головы Полины пустые великосветские фантазии, коими обычно грезили барышни её круга. Вместо этого она посвятила себя делам, которые другие находили непосильными и опасными.

— Но выходить одной на улицу сейчас безумно опасно, — искренне затрепетал Булгаков, переживая за хозяйку. — В городе ведь творится сущий ад.

— Полно тебе. Полина провела под началом отца слишком много времени, чтобы прослыть незащитной неженкой. К тому же, если я не ошибаюсь, с недавних пор она и сама пробудила в себе эсперские способности.

Словно в подтверждение его слов, на экране показалось, как прямо перед выходом из особняка на Полину из подворотни выскочил вооружённый грабитель. Однако женщина даже не вздрогнула: в её ладони из чистого воздуха соткался револьвер, и несколькими молниеносными выстрелами она хладнокровно перебила нападавшему колени и локти.

«Беру свои слова назад...» — мысленно извинился перед нанимательницей Булгаков.

Заметив, что юноша засмотрелся, Толстой перевёл изображение на волшебной бумаге обратно на Аль-Хайтама.

Но стоило старику взглянуть на картинку, как брови его озадаченно поползли вверх. Никакой катастрофы не произошло, однако его всегда невозмутимый соратник и старый друг сейчас выглядели не на шутку разгневанными.

Пробравшись сквозь уличную сумятицу вместе с господином Тургеневым, Аль-Хайтам внезапно заметил юного Фёдора, который вопреки всем приказам оставаться в укрытии брёл по разорённой мостовой.

Хайтам рванулся вперёд и мёртвой хваткой вцепился в запястье мальчика, силой увлекая его прочь от стоявшей спиной к ним сироты.

Со стороны могло показаться, будто мужчина защищает ребёнка от внезапной угрозы. Но приглядевшись, Тургенев с удивлением понял: Аль-Хайтам спасал несчастную Сонечку от неминуемой гибели.

— Премного благодарен за то, что присмотрели за ним, — сухо бросил Аль-Хайтам, задвигая вырывающегося мальчика себе за спину.

— Ох, не стоит... — вздрогнув от неожиданности, Сонечка обернулась. Она робко покачала головой и, сообразив, что за Фёдором наконец пришли взрослые, нерешительно замялась на месте, собираясь уйти.

— Позвольте нам проводить вас. Вы помните, где ваш дом? — мягко предложил Тургенев.

Писатель скользнул поникшим взглядом по лицу Фёдора, и на его лбу прорезалась глубокая складка. Он видел всё. Видел, как секунду назад этот бледный ребёнок сжимал в рукаве острое лезвие, нацелившись в спину той, кто только что делился с ним крохами тепла.

Тургенев шёл чуть позади, поэтому в деталях разглядел, как Аль-Хайтам перехватил руку мальчика, вырвал нож и швырнул его в дорожную грязь. И всё же, не зная истинных мотивов дитя, Иван Сергеевич не спешил выносить ему окончательный приговор.

— Да, это... вон там, за углом, — Сонечка послушно указала направление. Она была слишком чиста душой, чтобы заметить невидимые искры, летевшие между мужчинами и замкнувшимся в себе мальчиком.

— Идёмте.

— Спасибо вам большое.

К счастью, скромная обитель Сонечки уцелела под натиском мародёров, и её родные оставались в относительной безопасности. Едва за девочкой закрылась скрипучая дверь, Аль-Хайтам обернулся к Фёдору. Его взгляд не предвещал ничего хорошего.

— Зачем ты хотел лишить её жизни? — ледяным тоном спросил Хайтам, глядя на притихшего приёмыша сверху вниз.

Его удивление было глубоким, хоть внешне он и оставался невозмутим: Сонечка никак не укладывалась в рамки тех извращённых критериев, по которым Фёдор обычно выбирал свои жертвы.

— Ей незачем страдать в этом грешном мире, — тихо, со странной, пугающей убеждённой ответил мальчик. — Лучше ей сразу отправиться в чертоги Господни. С её эсперскими способностями она обречена на такие муки, что рано или поздно сама станет вымаливать у неба смерть.

А самоубийц, как известно, Господь к себе не принимает.

Пожалуй, это было единственное проявление милосердия, на которое была способна искалеченная душа Фёдора. Вот только являло оно себя в чудовищном, смертоносном обличье.

— И ты самолично решил вынести ей приговор?

— Да.

Фёдор понимал, что юлить перед Аль-Хайтамом бессмысленно. Возможно, глубоко внутри него

самого что-то содрогнулось, потому что на этот раз он отвечал предельно честно.

Аль-Хайтам промолчал, чувствуя, как внутри закипает редкий для него глухой гнев.

— Ты мнишь себя дланью Господней, отрицаешь Его бытие, но при этом рассуждаешь о том, кого Он отринет, а кого примет, — отчеканил Хайтам.

Он наконец нащупал корень этой застарелой болезни. В разуме мальчика намертво отпечатались догматы веры, политые кровью его собственной матери, а сверху на них наслоилась безграничная, неосознанная гордыня. Фёдор Михайлович Достоевский был гением, чей великий дар оказался искалечен с самого рождения.

— Так кто же ты сейчас в собственных глазах? — продолжал Хайтам. — Творец или обычный смертный?

— Я не Бог, — после долгой паузы выдохнул ребёнок.

Но он свято верил, что обязан исполнять Его волю на земле.

— Но почему же ты тогда не желаешь взглянуть на самих людей? — не выдержал Тургенев. От этих измышлений ему становилось тошно. Будучи закоренелым гуманистом, он презирал религиозный фанатизм и превыше всего ставил человеческую личность. — Ведь сам ваш Бог — не более чем плод человеческого воображения!

— Потому что в его глазах все люди — безмозглое стадо, — ледяным тоном ответил за мальчика Аль-Хайтам, безжалостно обнажая суть его философии.

— Ошибаешься, дитя, человек соткан из противоречий, — Тургенев покачал головой, устремив на Фёдора печальный взор. — Величайшие мудрецы порой совершают глупости, а те, кого толпа почитает за юродивых, таят в себе бездну мудрости.

Глядя на мальчика, писатель впервые осознал, насколько страшной может быть детская жестокость, если она замешана на недетском уме, извращённых идеалах и пережитом горе.

— Тебе стоит хорошенько подумать, — холодно произнёс Аль-Хайтам, легко подхватывая мальчика на руки и лишая его возможности натворить новых бед. — Был ли твой поступок продиктован чистым разумом... или же первобытным, глухим страхом?

Порой Хайтам и сам задавался вопросом: можно ли вообще исцелить эту израненную душу? Способно ли хоть что-то сокрушить глухую стену, возведённую на костях его родителей? Какое тепло растопит этот вековой ледник?

Пожалуй, на это уйдут годы, если не десятилетия упорного труда. Фёдору нужен был тот, кто станет незыблемым ориентиром. Человек, подобный всепрощающей земле и неугасающему солнцу, который будет упрямо и без малейших сомнений указывать ему верный путь.

«Вот оно как...» — мысленно подытожил Хайтам.

Теперь он точно знал, куда в конце концов должен определить этого ребёнка.

— Идёмте, — предложил Тургенев, заметив глубокую задумчивость товарища и решив сменить тему. — Нужно отыскать мадемуазель Полину.

Они двинулись дальше, но разговор угас сам собой.

Небо над Москвой светлело, однако на душе у путников оставалось мрачно и тяжело. На мостовых, напоминая о недавнем безумном пиршестве, темнели пятна пролитой крови, успевшей запечься в уродливые багровые корки. Появление Фёдора заставило обоих мужчин погрузиться в невесёлые думы, и теперь они нарушали молчание лишь для того, чтобы предупредить друг друга об очередной выбоине или завале на дороге.

Фёдор уткнулся лицом в плечо Аль-Хайтама, притихший и подавленный. Когда первый порыв гнева сошёл на нет, мальчик осознал страшную истину: он до дрожи боялся Сонечки.

Её кроткий взгляд не нёс в себе угрозы, но само её существование одним махом перечёркивало всю его тщательно выстроенную философию.

«Зачем... зачем Творец создал такую, как она?» — этот вопрос неотступно терзал его воспалённый разум.

<http://bllate.org/book/18256/1755713>